

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1 «ИЗ МНОГИХ — ЕДИНОЕ»: КАК АМЕРИКАНЦЫ СОЗДАЛИ НАЦИЮ	15
ГЛАВА 2 ИЗ РЕСПУБЛИКИ В ДЕМОКРАТИЮ: КАК АМЕРИКАНЦЫ ПОСТРОИЛИ ГОСУДАРСТВО И СОЧИНИЛИ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ.....	39
ГЛАВА 3 «ВЛАСТЬ НАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ»: КАК АМЕРИКАНЦЫ РАСШИРИЛИ СТРАНУ И ВДОХНОВИЛИ «ВЕСНУ НАРОДОВ»	69
ГЛАВА 4 ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И РЕКОНСТРУКЦИЯ: КАК АМЕРИКАНЦЫ ЧУТЬ НЕ РАСКОЛОЛИСЬ НА ДВЕ НАЦИИ.....	95
ГЛАВА 5 ОТ «ПОЗОЛОЧЕННОГО ВЕКА» К ПРОГРЕССИВНОЙ ЭПОХЕ: КАК АМЕРИКАНЦЫ ВЫШЛИ ИЗ КРИЗИСА.....	119
ГЛАВА 6 ОТ БОЛЬШИХ НАДЕЖД К ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ: КАК АМЕРИКАНЦЫ ПОПРОБОВАЛИ ПЕРЕСОЗДАТЬ МИР	155

ГЛАВА 7

ОТ ДЕПРЕССИИ К ПОБЕДЕ: КАК АМЕРИКАНЦЫ ЕДВА
НЕ ПРОИГРАЛИ КАПИТАЛИЗМ И ВЫИГРАЛИ
МИРОВУЮ ВОЙНУ..... **187**

ГЛАВА 8

ОТ ХИРОСИМЫ ДО КАРИБСКОГО КРИЗИСА:
КАК АМЕРИКАНЦЫ НАУЧИЛИСЬ ЖИТЬ В СВЕРХДЕРЖАВЕ..... **211**

ГЛАВА 9

«ВЕЛИКОЕ ОБЩЕСТВО», КРИЗИС И «ВОЗВРАЩЕНИЕ
ВЕЛИЧИЯ»: КАК АМЕРИКАНЦЫ ВСТУПИЛИ В СОВРЕМЕННЫЙ
МИР..... **237**

ГЛАВА 10

КОНЕЦ ИСТОРИИ: КАК АМЕРИКАНЦЫ ПОБЕДИЛИ
В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ..... **263**

ГЛАВА 11

НАЧАЛО БУНТА: КАК АМЕРИКАНЦЫ ПОТЕРЯЛИ ПОКОЙ..... **283**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЗАЧЕМ НАМ ЭТО ЗНАТЬ?..... **303**

ПОСЛЕСЛОВИЕ: ЧТО ЧИТАТЬ ДАЛЬШЕ?..... **313**

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир начался с появления в нем Америки. Открытие Нового Света завершило европейское Средневековье, а создание Соединенных Штатов Америки открыло новую политическую эпоху. Между этими двумя событиями в Европе произошла Реформация, свершилась научная революция и расцвела эпоха Просвещения. Все это радикально изменило основные способы описания и понимания мира. Но до середины XVIII века новые идеи оставались лишь услугой образованных умов. Американская революция стала первым примером переустройства жизни на основании новых представлений о ней.

Успех Войны за независимость сдвинул политические пласты, предоставив европейским политикам, революционерам и мечтателям образец нового государственного устройства, разом превративший блистательные европейские монархии в пережитки старого мира. Эти монархии были еще сильны, но их время начало обратный отсчет: мир двинулся в сторону модели, предложенной заокеанской республикой. Однако и сами Соединенные Штаты Америки стали возможны только в современном им мире, они были испытательным полигоном для европейских политических идей эпохи модерна и местом, куда отправлялись — реально или в мечтах — в поисках социальной утопии.

Оглядываясь на эти две с половиной сотни лет, можно заметить отсутствие единого и неизменного понимания того, в чем

именно состоит «американская модель». Жители Западной и Восточной Европы видели в опыте США нечто иное, чем латиноамериканцы, а те в свою очередь смотрели на Америку не так, как население Восточной Азии или Африки. Более того, в самих Соединенных Штатах незыблемым оставалось лишь представление об особом месте страны как маяка, освещающего путь остальному человечеству; по поводу содержания «идеи Америки» американцы ведут непрекращающиеся дискуссии.

В этой книге мы попытаемся разобраться в трех взаимосвязанных проблемах: как американцы воображали себя на протяжении истории своей страны, как другие народы воображали себе Америку и как это воображение влияло на внешнюю политику Соединенных Штатов и на место, которое они занимали в мире. Этот разговор пересекается со спором об исключительности Америки.

Исключительность — слово, которое часто используется при описании исторических особенностей страны. Казалось бы, каждая нация по-своему исключительна, каждая идет своим «особым путем» и в историческом опыте и культуре любого народа есть то, чему можно поучиться другим. Однако когда президент Барак Обама сообщил, что «верит в американскую исключительность точно так же, как, он подозревает, британцы верят в британскую исключительность и греки верят в греческую», он подвергся шквальной критике в США¹. Американцы привыкли считать, что их нация принципиально отлична от всех других, что выражается в исключительной исторической роли, особой миссии, которую их страна выполняет в мире. Попробуем разобраться в этих убеждениях и их последствиях.

Представления жителей США о себе включают не только набор существенных черт, характерных для «настоящих американцев», но и четкое определение тех, кто не входит в их общее

¹ Kirchick J. Squanderer in Chief // *Los Angeles Times*. April 28, 2009.

«мы», а также выбор Других — народов, чьи черты описываются как противоположные собственным, что позволяет постоянно использовать их для сравнения. В книге нам предстоит проследить изменение состава этого «мы», а также смену значимых Других, с которыми соотносили себя жители Америки на протяжении нескольких веков.

Кстати, тот факт, что описание самих себя является политической проблемой, был если не впервые открыт, то особенно остро осознан в Соединенных Штатах, изначально созданных из тринадцати колоний с очень разным укладом и различными представлениями о целях и принципах своего существования. Внутренний раскол, принимавший разные формы, был важной чертой американской нации с самого ее возникновения. В последующие столетия в результате массовой иммиграции преимущественно англосаксонское население Америки стало сначала «слепком Европы», а потом и всего мира, с поправкой на то, что иммигранты хотели видеть в США улучшенный вариант оставленной родины, развивая в американском обществе черты, противоположные тем, что они считали социальными язвами родины. В результате со времен создания страны и по сей день в ней не стихают споры о содержании американской идентичности.

Идентичность в самом простом варианте определения и есть ответ на вопрос «кто мы такие?». Этот вопрос в явной или неявной форме задает себе любое сообщество — ответ на него и формирует это сообщество, от болельщиков спортивной команды до нации. Этот ответ постоянно меняется, поэтому идентичности не являются жестко заданными и никогда не бывают окончательными. Мы увидим, как борьба за понимание американской идентичности меняла то, что в самой Америке и в остальном мире воспринималось как «американская модель».

Политическое действие требует соответствующего языка, на котором можно описать это действие, принять решение,

поставить задачи. Этот язык постоянно развивается как под влиянием собственной логики, так и реагируя на смену политических задач. Слова и понятия подстраиваются под вызовы современности, но обладают и собственной инерцией, требуют от политиков решений и действий, исходящих из логики курса. Изменение этого языка, изобретение новых терминов и концепций, которые должны были обладать преемственностью с существовавшими ранее, но позволяли осуществлять новую политику, составляет предмет моего исследования.

Основные герои книги — субъекты политической речи, все те, кто формировал язык описаний политического мира, в рамках которых принимались политические решения. Это политики и активисты, журналисты и политические философы — те, кого привычно именовали «политическими и интеллектуальными элитами».

В XX веке демократизация общества, а также развитие американского интервенционизма и глобализма способствовали вовлечению все более широких масс в наблюдение за международной политикой. После того как угроза ядерного уничтожения нависла над простым американцем, а война во Вьетнаме вошла в каждый дом с экрана телевизора, обсуждение мировых проблем стало частью внутривнутриполитической борьбы. В результате рамки объяснения международных дел сузились до мифологической бинарной схемы: «мы — они», «хорошие — плохие», «белое — черное». Холодная война была не только причиной, но и результатом утверждения этого биполярного языка описания международных отношений.

Представления внешнего мира и самих американцев об Америке никогда не совпадали. Они формировались как ответ, с одной стороны, на предъявлявшийся реформаторами и революционерами внутренний запрос на перемены в этих странах,

а с другой — на страхи перед революционным примером, разделявшиеся консерваторами и реакционерами. Среди множества образов США, бытовавших в мире, были и сближавшиеся с американским представлением о себе, и весьма далекие от него.

Если в первые десятилетия своего существования Америка воспринималась прежде всего как независимая демократическая республика, что делало ее популярной главным образом среди европейских радикалов, то в дальнейшем мировой популярности нового политического устройства способствовало создание к концу XIX века Соединенными Штатами мощной экономики, а в XX веке и сильной армии. После Второй мировой войны страна стала безоговорочным лидером западного мира, а к концу прошлого века в результате распада последнего военно-стратегического противника и конкурента в борьбе за умы и сердца человечества — Советского Союза — США превратились в единственную сверхдержаву.

В 1990-е годы казалось, что политическая модель Соединенных Штатов в той или иной форме восторжествовала в глобальном масштабе. Но в этот период начались и проблемы: после укрепления собственных моделей либеральной демократии европейские страны перестали видеть в США образец политического устройства и сами стали служить примерами для стран, проходящих процессы демократизации; исчезновение стратегической угрозы поставило перед союзниками вопрос, нужна ли им американская защита. На мировой арене возникли и укрепились новые авторитарные режимы, а также нелиберальные демократии, претендующие на привлекательность своих моделей если не для населения в целом, то для элит многих стран. Больше того, существенно углубились социальные и политические конфликты в самих Соединенных Штатах.

Так победа в холодной войне или «конец истории» 1990-х, представлявшийся глобальным торжеством либерально-демократических

идеалов, обернулись кризисом. А поскольку американская модель сыграла центральную роль в формировании современности, то время, в котором мы оказались, становится эпохой кризиса современного мира, если не его конца. Так ли это? Чтобы понять, надо разобраться в содержании этой модели.

Понимание, как формировалась (конструировалась) и какой представлялась американская модель, поможет нам разобраться и в том, как внутренняя политика Соединенных Штатов пересекалась и взаимодействовала с внешней. Конституция США начинается словами «Мы, народ Соединенных Штатов...» В нашей книге мы постараемся проследить, как менялось понимание этого «мы» на протяжении американской истории, и рассмотреть, как эти «мы» взаимодействовали с другими странами и народами.

Мы поговорим о том, как на каждом этапе своей истории американцы выстраивали свою идентичность и как воспринимали Америку другие страны. В каждой главе мы сосредоточимся на основных факторах, влиявших на представление жителей США о самих себе, — экономическом и территориальном росте страны, внутренних и внешних конфликтах, на процессе расширения сообщества, считающего себя американской нацией, на поиске Других и конструировании их образов внутри этого сообщества и во внешнем мире, а также на роли внешней политики в поддержании внутреннего единства и на влиянии американского примера на остальной мир.

Вместе с тем книга не претендует на полное освещение истории Соединенных Штатов или американской внешней политики. Читателю не стоит искать в ней объяснения истоков богатства или могущества современных США, как и полного изложения событий американской истории или внешней политики страны².

² Могут порекомендовать несколько учебников, в которых эти темы раскрыты намного полнее: Иваниц Э. А. История США. — М.: Дрофа, 2008;

Задачей автора является предложение интерпретационной схемы, выделение ключевых факторов, лежащих в основе политики крупнейшей мировой державы современности.

Мы живем в очередную эпоху перемен, и можно, не боясь ошибиться, утверждать, что нынешнее поколение россиян будет присутствовать при строительстве нового мироустройства (а кто-то и участвовать в нем). Пока рано предсказывать, какую роль в этом новом мире будут играть Соединенные Штаты Америки, самая влиятельная страна последних десятилетий, но кажется очевидным, что переустройство будет в большой степени направляться либо самими США, либо попытками других стран противостоять американской воле. После распада СССР российские элиты плохо представляли, чем руководствовались Соединенные Штаты во внешней политике. Это вызывало неоправданные ожидания и приводило к ошибочным решениям. Давайте попробуем разобраться в устройстве этого механизма.

* * *

Первый вариант этого текста прочли (и дали чрезвычайно полезные рекомендации) Виктория Ивановна Журавлева, Александр Борисович Окунь, Владимир Олегович Печатнов, Сергей Викторович Турко, Наталья Александровна Цветкова, Иван Александрович Цветков. Книга в результате их критики стала лучше, и если в ней остались слабые места, недостаточно обоснованные утверждения и фактические ошибки, в этом виноват только автор.

Согрин В. В. История США. — М.: Международные отношения, 2019; Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. — М.: Международные отношения, 2012; Гринспен А., Вулдридж А. Капитализм в Америке: История. — М.: Альпина Паблшер, 2019; Открой Соединенные Штаты Америки. Курсы лекций (под ред. В. И. Журавлевой). В 2 книгах. — М.: Издательство РГГУ, 2023. — *Здесь и далее прим. авт.*

ГЛАВА 1

«ИЗ МНОГИХ — ЕДИНОЕ»: КАК АМЕРИКАНЦЫ СОЗДАЛИ НАЦИЮ

Кто же тогда есть американец, сей новый человек?

СЕНТ ДЖОН ДЕ КРЕВЕКЕР. Письма американского фермера¹

Первые полтора столетия своей истории будущие американцы создавали единое целое из разнородных частей — формировали нацию из жителей колоний. Частью этого процесса было изобретение и исключение Других — индейцев, католиков, лоялистов. Одновременно внутри сообщества формировалась иерархия, в которой женщины, рабы, свободные чернокожие и другие категории неполноправных жителей были исключены из «политической нации», но оставались ее частью как экономический, социальный и демографический ресурс. В тот же период Европа все больше воспринимала Америку как место воплощения своих просветительских фантазий. Американская революция стала самым веским аргументом для закрепления этого образа и надолго связала слова «свобода» и «Америка».

¹ Кревекер С. Дж. де. Письма американского фермера // Брэдфорд У., Франклин Б., Кревекер С. Дж. де. История поселения в Плимуте. Автобиография. Памфлеты. Письма американского фермера. — М.: Художественная литература, 1987. — С. 560.

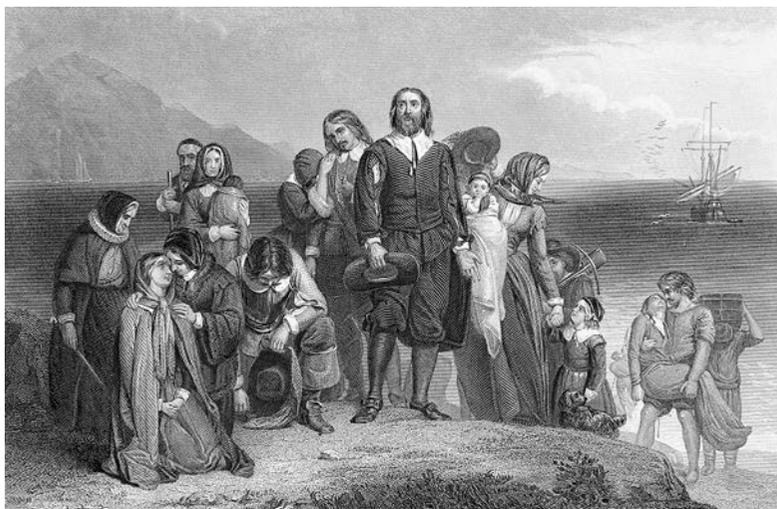
НОВАЯ АНГЛИЯ, ИЛИ «ГРАД НА ХОЛМЕ»

Мечты и надежды американцев — от отцов-пилигримов до отцов-основателей

Англичане стремились за океан в поисках новой жизни. Разрыв с прошлым объединял пуритан Новой Англии с фермерами и будущими плантаторами Виргинии, квакеров Пенсильвании с обитателями лондонского дна, отправленными британскими филантропами на перевоспитание в Джорджию². Для всех них переселение в Америку было сродни новому рождению. Во всем остальном они различались. Больше того: перемешанные в едином английском обществе, создатели первых колоний отправлялись за океан группами единомышленников, создавая доминирующие в новых поселениях сообщества из тех, кто оставался в Англии меньшинством. Однако всем им приходилось заново формулировать ответ на вопрос «кто мы теперь такие?».

Есть два основных варианта ответа на этот вопрос, формирующий социальную группу: обратиться к прошлому, объединяясь в качестве потомков героев или жертв, либо противопоставить себя кому-то внешнему. Переселение за океан позволяло актуализировать второй способ самоопределения — через общие идеалы, противопоставленные представлениям остального мира. Такой способ был присущ ранним христианам и распространен в протестантских сектах (собственно, пуритане, радикальная группа кальвинистов, и привезли его в Америку). В 1620 году первая группа пуритан, вошедшая в историю как отцы-пилигримы, пересекла Атлантику на «Мейфлауэре», приняв в пути большинством голосов соглашение о будущем самоуправлении, — к этому решению впоследствии будут возводить рождение американской демократии.

² См.: Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт. — М.: Прогресс, 1993.

Высадка пилигримов в Плимуте 22 декабря 1620 года.
Литография. 1876 год.

Именно пуританское наследие чаще всего упоминают в разговоре о ранних традициях американской политики. В 1630 году пуритане основали колонию Массачусетского залива. На борту «Арабеллы», транспортировавшей эту группу через Атлантику, их лидер и будущий губернатор колонии Джон Уинтроп произнес проповедь, в которой сформулировал задачи переселенцев как создание «образца христианского благочестивого дела»: «Мы должны понимать, что мы будем градом на холме³. Глаза всех людей будут устремлены на нас»⁴. Эта метафора стала одной из цитат, наиболее часто повторявшихся американскими политиками следующих поколений, хотя она давно утратила первоначальный смысл.

³ «Град на холме» — библейское выражение из Книги пророка Исаии.

⁴ Winthrop J. *A Model of Christian Charity // Ideas and American Foreign Policy*. Ed. by Andrew J. Bacevich. Oxford University Press, 2018. Pp. 4–5.

Объявив свое поселение «градом на холме», пуританские проповедники поставили свое будущее общество выше, чем брошенное ими в Старом Свете. Однако мир не спешил следовать примеру английских пуритан, да и сами они продолжали эмигрировать в Америку, не стремясь преобразовать Европу по образцу колонии Массачусетского залива. И все же представление о собственной избранности и желание быть образцом для остального человечества стали самыми важными составляющими американской идентичности, хотя содержание этого предлагаемого миру образца за следующие четыре столетия не раз менялось.

В 2016 году республиканский политик Митт Ромни предупреждал сограждан, что в случае избрания президентом Дональда Трампа «Америка перестанет быть сияющим градом на холме»⁵. Этот образ продолжает активно использоваться и для противопоставления американцев другим народам. Так, во время обсуждения в американском сенате темы «вмешательства русских» в выборы 2016 года бывший директор ФБР Джеймс Коми сказал следующее: «Мы остаемся тем же сияющим градом на холме, а им это не нравится»⁶. В 2020 году госсекретарь Майк Помпео объяснял превосходство Америки над всеми противниками «от коммунистического Китая до террористического режима в Тегеране» следующим образом: «Мы побеждаем, они проигрывают, и мы осуществляем нашу внешнюю политику в уверенности, что мы — тот самый сияющий град на холме»⁷.

⁵ Romney: Trump Playing Americans for Suckers (video). <https://www.youtube.com/watch?v=OD8KZP3oMvM>.

⁶ Full Transcript and Video: James Comey's Testimony on Capitol Hill // *The New York Times*. June 8, 2017. <https://www.nytimes.com/2017/06/08/us/politics/senate-hearing-transcript.html>.

⁷ Pompeo M. R. The Promise of America. Speech. November 10, 2020 // Department of State. <https://2017-2021.state.gov/the-promise-of-america/index.html>.

Пуритане не были единственными переселенцами из Англии в Америку. Жители Джеймстауна, первого постоянного английского поселения в Новом Свете⁸ (1607), ощущали себя англичанами, которых судьба забросила на самую окраину их огромной страны. Когда колония окрепла и превратилась в Виргинию, там (и в других южных поселениях) сформировалась социальная структура, выглядевшая как пародия на феодальные порядки старой доброй Англии: плантаторы вели жизнь, максимально воспроизводившую внешние черты быта английской аристократии, обращаясь с рабами так, будто это английские крестьяне.

Сами крестьяне, сумевшие перебраться за океан и расплатиться за перевозку, осуществляли свою английскую мечту, приобретая в конце пути большой надел земли, на котором становились полноправными хозяевами. В отношениях с индейскими племенами и с ближайшими соседями — выходцами из Европы, испанцами и французами, колонисты были, конечно, англичанами. Ну и еще они были протестантами, воевавшими против католиков-«папистов»: религиозная идентичность оставалась не менее важной, чем подданство.

В 1619 году в Виргинию прибыла первая группа африканцев, захваченных английским капером на испанском работорговом судне в виде трофея. Чернокожих людей обменяли на припасы — с этого времени началась история афроамериканцев. В первые десятилетия цвет кожи не был жестко связан со статусом раба: в колониях существовал также институт «контрактного рабства» (когда белые бедняки оплачивали годами работы на хозяина учебу в качестве подмастерья, долги или перевозку из Англии), а рабство черных не всегда было наследственным и в некоторых случаях не становилось и пожизненным.

⁸ Первая попытка закрепиться на острове Роанок за два десятилетия до этого окончилась неудачей.

Однако формирование и установление социальной дифференциации стало важной задачей колониальных элит. Если в первые десятилетия основанием для этого была религия (африканцы были язычниками, и это «объясняло» их рабство), то уже с 1660-х годов принятие христианства не могло изменить статус чернокожих американцев. Восстание Натаниэля Бэкона в Виргинии в 1675–1676 годах, в котором бедные белые поселенцы и законтрактованные слуги участвовали вместе с черными рабами, побудило власти колонии законодательно разделить эти группы потенциально недовольных. Процесс закрепления социального

Голландский корабль привез первых африканцев в Виргинию. 1619 год

статуса, связанного именно с цветом кожи, занял около столетия, но к середине XVIII века в Америке сформировалось четкое расовое разделение общества.

Поиск единства и определение Других не сводились к ограничению прав чернокожих. Пуритане изгоняли из своих поселений людей с «неправильными» взглядами. Если Томас Хукер и Роджер Уильямс, столкнувшись с попытками заставить их замолчать и обвинениями в ереси со стороны пуританских лидеров, в 1636 году увели своих сторонников из колонии Массачусетского залива и основали Коннектикут и Род-Айленд, то Энн Хатчинсон, в том же году обвиненную в ереси антиномианства, после долгого судебного процесса изгнали из колонии, и она после нескольких лет скитаний погибла от рук индейцев.

Но наиболее запомнившейся историей конструирования образа врага на основе отношения к соседям стало массовое обвинение людей в колдовстве в городе Сейлеме, ставшее известным как «охота на ведьм». В течение полутора лет, с февраля 1692 года, 200 человек были обвинены в колдовстве, из них 30 признаны виновными, 20 казнены и еще несколько умерли в заточении. Показательно, что в Европе к этому времени процессы над ведьмами почти ушли в прошлое. Однако истерия, охватившая Новую Англию, связана не столько со средневековыми пережитками, сколько с колониальными расколами: политической и религиозной неопределенностью, охватившей страну после английской «Славной революции» 1689 года и смены властей Массачусетса.

Метафора «охота на ведьм» стала важной частью американской политической культуры как описание преследований инакомыслящих на основании моральной паники без должной юридической защиты. Это словосочетание использовалось во времена маккартизма по отношению к методам работы комиссии по расследованию

антиамериканской деятельности, а президент Трамп более ста раз использовал его в твитах, отвечая на обвинения своих противников⁹. В мае 2018 года он, в частности, назвал расследование прокурора Мюллера «величайшей охотой на ведьм в американской истории»¹⁰.

Нелегкая жизнь на новом континенте создавала запрос на объединяющую идею, общее представление о задачах, выходящих за рамки повседневных проблем выживания и обустройства. Важным источником для такого осмысления оставались идеи первых пуританских переселенцев, с которыми продолжали

Сейлемские ведьмы, 1692 год.

Иллюстрация из «Истории Соединенных Штатов в картинках». 1845 год

⁹ Cassese E. A Political History of the Term «Witch Hunt» // *Vox*. October 31, 2018. <https://www.vox.com/mischiefs-of-faction/2018/10/31/18047208/trump-witch-hunt>.

¹⁰ <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/997076300476055552>.

отождествлять себя следующие поколения жителей северной части английских колоний в Новом Свете. Память о том, что именно религиозный выбор отправил их предков в Америку, в сочетании с поиском собственного места в мире объясняет огромную популярность в Новой Англии проповедников Великого пробуждения (Great Awakening) 1730–1740-х годов Джона-тана Эдвардса и Джорджа Уайтфилда. В результате этого движения упрочилась религиозная составляющая жизни и возникли новые евангелические деноминации, тысячи людей переосмыслили свои отношения с Богом («родились свыше», *born again*), а американское общество в целом отвергло атеистическую часть европейского Просвещения.

*Волны религиозного обновления, вновь и вновь разворачивающие американское общество к вере, регулярно прокатываются по Соединенным Штатам. Второе великое пробуждение в первой половине XIX века привело к созданию большого количества благотворительных обществ и ряда учебных заведений, а также ознаменовалось созданием новых религиозных движений, от адвентистов до мормонов. Третье великое пробуждение в конце XIX — начале XX века ознаменовалось расширением социальных функций протестантских общин и созданием ряда новых деноминаций, включая пятидесятников, свидетелей Иеговы и Церковь христианской науки, а также теософское движение (основанное русской эмигранткой Еленой Блаватской). А в конце 1960-х — в 1970-е годы произошел поворот части американского общества к протестантскому фундаментализму, который многие ученые называют Четвертым великим пробуждением. Именно в это время испытал свое «рождение свыше» (*born again*) будущий президент США Джордж Буш-младший.*

Определение собственной идентичности включало в себя понимание, кто такие Другие — люди, не обладающие важными

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru